

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 126—136
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.11

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 126—136
ББК 63.3(2)613-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.11

**НЕТРУДОСПОСОБНЫЕ ЖЕНЩИНЫ
В ФОКУСЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
1920—1930-х гг. (На материалах Сибири)**

А. С. Ковалев^{a, b}

^a Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия, alexkovaleff@yandex.ru

^b Красноярский государственный педагогический университет, г. Красноярск, Россия

На основе ранее не публиковавшихся архивных материалов рассматриваются вопросы социального положения женщин с инвалидностью и женщин пожилого возраста в Сибири в 1920—1930-х гг., которые были объединены общим статусом нетрудоспособного населения. Анализируются главные направления социальной политики Советского государства в отношении нетрудоспособных женщин: пенсионное обеспечение, социальная поддержка, помощь в трудоустройстве, социальное обеспечение в инвалидных домах. На конкретных примерах иллюстрируются особенности повседневной жизни нетрудоспособных женщин. Делается вывод о том, что советские органы власти при проведении социальной политики не делили инвалидов и пожилых людей по гендерному принципу, однако нетрудоспособные женщины на протяжении 1920—1930-х гг. оставались одной из самых социально незащищенных групп населения. В то же время существовали отдельные попытки социальной интеграции женщин с инвалидностью в общество на основе мер профессионально-трудовой реабилитации.

Ключевые слова: государственная социальная политика, женщины с инвалидностью, инвалидный дом, пенсионное обеспечение, пожилые женщины, политика занятости инвалидов, социальная поддержка.

**DISABLED WOMEN AND SOVIET SOCIAL POLICY
IN 1920—1930s (Based on the Siberia related research)**

A. S. Kovalev^{a, b}

^a Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, alexkovaleff@yandex.ru

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation

In this paper, based on the previously unpublished archival materials, the issues of the social status of disabled and elderly women in Siberia in the 1920—1930s (which were united under the general status of the disabled population) are examined. The main directions of the Soviet State social policy the regarding the disabled women are analyzed: pensions, social assistance, employment policy, social welfare in shelters for disabled people. Specific examples,

given in the text, illustrate the features of the daily life of the disabled women — both living inside and outside the institutions for people with disabilities. The state social policy towards the disabled women in the 1920—1930s is characterized by the extreme ambivalence. The measures of social support for replenishment were taken, but it was accessible to a narrow circle of people. The only area of real interaction between the society and women with disabilities was the sphere of employment, where they were actively included, as the proletarian state needed workers within the context of industrialization. During the conduct of social policy, the Soviet authorities did not divide disabled and elderly people on a gender basis, but the disabled women during the 1920—1930s remained one of the most socially vulnerable groups of the population. At the same time, the state made non-systemic attempts to integrate women with disabilities into society on the basis of measures of vocational rehabilitation.

Key words: state social policy, women with disabilities, shelters for disabled people, pension system, elderly women, employment policy for the disabled persons, social assistance.

Несмотря на то что в современной России продолжает развиваться социальная политика, при которой уязвимые слои населения включаются в жизнь общества, нетрудоспособные граждане страны во многом по-прежнему остаются на обочине социума. В первую очередь это касается нетрудоспособных женщин, которым общество отказывает в праве на образование, занятость и успешную карьеру и которых фактически обрекает на социальную изоляцию, не позволяя ощутить радость полноценной жизни. Говоря о причинах их нелегкого положения, представители общественности обычно возлагают ответственность на Советское государство, от которого досталась в наследство неэффективная модель социальной политики с ее антигуманными практиками, сохранившимися в последующие годы. Однако подобное объяснение вряд ли можно назвать научным, поскольку оно осуществляется на интуитивном уровне, без проведения подробного анализа феномена нетрудоспособности и специфики становления советской социальной политики. В то же время исторический опыт вовлечения нетрудоспособных женщин в жизнь советского общества по-прежнему не востребован.

В связи с этим требуется провести исследование, целью которого является обращение к периоду формирования политики в отношении нетрудоспособного населения с учетом гендерной составляющей социальной помощи, что поможет увидеть особенности социального статуса нетрудоспособных женщин, их повседневной жизнедеятельности и включенности в систему советского социального обеспечения и в общество в целом. В качестве временного отрезка для анализа был выбран период 1920—1930-х гг., когда в стране продолжался процесс эмансипации женщин, начатый в 1917 г., и происходило становление социальной политики в отношении различных категорий населения.

В отечественной исторической науке вопросы гендерно-ориентированной социальной политики в отношении нетрудоспособного населения остаются неразработанной темой. Можно выделить исследования Д. С. Кошкина и А. С. Ковалева, в которых рассматриваются общие аспекты социальной политики в отношении инвалидов [Кошкин, 2001; Ковалев, 2013, 2016]. Однако «женский» аспект проблемы предметом изучения в публикациях этих авторов не является. Положение женщин-инвалидов в российском социуме к началу XX в. исследуется в статье В. М. Марасановой и ее соавторов [Марасанова и др.,

2010]. В работе А. К. Быкова изучается развитие системы оказания помощи общественными организациями девушкам с инвалидностью в начале XX в. [Быков, 2014]. «Женский вопрос» в контексте социального страхования исследуется в статье О. Б. Вахромеевой, которая делает вывод, что работающие женщины были самой незащищенной категорией населения в начале XX в. [Вахромеева, 2012]. Специальных исторических исследований, посвященных положению нетрудоспособных женщин с инвалидностью, крайне мало, а имеющиеся отражают его только в дореволюционный период. В связи с этим в настоящей статье представлена попытка на материалах Сибири проанализировать социальное положение женщин-инвалидов, вовлеченных в сферу деятельности органов социального обеспечения в 1920—1930-х гг., и основные направления социальной помощи нетрудоспособным женщинам.

Согласно сведениям Народного комиссариата социального обеспечения, в 1926 г. в РСФСР по результатам переписи населения было учтено 643 711 инвалидов, из них 175 896 мужчин (45 %) и 214 866 женщин (55 %) являлись «самодеятельными» инвалидами, а 186 725 мужчин (74 %) и 66 224 женщины (26 %) — «несамодеятельными», т. е. живущими на чьем-либо иждивении. В городах насчитывалось 41 710 мужчин (70 %) и 17 848 женщин (30 %) — «самодеятельных» инвалидов, 14 799 мужчин (44 %) и 18 864 женщины (56 %) — «несамодеятельных» инвалидов [Инвалиды..., 1932]. Что касается Сибирского края, то здесь процессы инвалидизации были выражены более сильно, так как Сибирь занимала третье место среди регионов РСФСР по соотношению инвалидов и здоровых граждан.

Прежде всего следует остановиться на социальном статусе нетрудоспособных лиц. Инвалидами считались только те, кто не мог трудиться. Понимание инвалидности как утраты трудового потенциала являлось краеугольным камнем политики в отношении инвалидов в государстве, где все граждане были обязаны участвовать в общественно полезной деятельности. Социальная полезность гражданина измерялась только его ролью в производстве, и уровень инвалидности оценивался по шкале «трудоустройства». Тот, кто мог работать, обязан был приносить пользу обществу до самых преклонных лет.

В начале 1920-х гг. постепенно сложилась определенная иерархия «инвалидной массы». Под влиянием пролетарской идеологии «привилегированной» группой становятся инвалиды труда, далее следовали инвалиды Красной армии, инвалиды «империалистической войны» и «беспризорные» инвалиды, к которым обычно относили пожилых людей, не имевших трудовых, воинских или революционных заслуг, их называли «инвалиды старости» (см.: [Ковалев, 2013: 93]).

Данные переписи 1926 г. говорят о том, что среди лиц с инвалидностью преобладали именно «беспризорные» женщины — «инвалиды старости» из сельской местности. Всего в Сибири к середине 1920-х гг. доля пожилого населения составляла в целом 6,49 % (около 8,5 млн чел.). Была характерна диспропорция в численности мужчин и женщин пожилого возраста в городских и сельских поселениях: в городах мужчины составляли 8,80 %, женщины — 11,25 %, в сельской местности 91,20 и 88,75 % соответственно. К 1931 г. численность лиц старше 60 лет в городах уменьшилась с 4,60 до 4,47 % среди мужчин, но увеличилась с 6,82 до 6,83 % среди женщин. В сельской местности доля мужчин

старше 60 лет уменьшилась с 6,46 до 6,19 %, женщин — с 7,31 до 7,10 % [Социалистическое строительство... , 1934: 360]. По данным переписи 1937 г., в общей структуре населения Сибири 60—69-летние граждане составляли 4,4 %, старше 70 лет — менее 2,0 %, а в целом лица пожилого возраста — 6,6 %. Сохранялась значительная непропорциональность в гендерной структуре населения: в 1937 г. женщин в возрасте 55—59 лет насчитывалось 59,0 %, 60—65 лет — 60,0 %, 75—79 лет — 62,0 %, 85—89 лет — 66,2 %, 95—99 лет — 67,0 %. Таким образом, данная диспропорция стала более выраженной и резкой, чем в 1926 г. [Население России... , 2000: 160, 374, 376; Жиромская и др., 1996: 63].

Положение «беспризорных» инвалидов было незавидным, но существовала социальная группа людей, у которых прав было еще меньше, — слепые, глухие и умственно отсталые лица. Так, инвалид по зрению О. И. Жукова писала в правление Иркутского отдела Всероссийского общества слепых в 1927 г.: «...почти слепая... совершенно ни к какому труду неспособная, не могла ни до, ни после революции ни работать, ни служить. До революции мне, как инвалиду, выдавалась пенсия, но при Советской власти в выдаче таковой мне отказано за отсутствием у меня трудового стажа, которого я, конечно... иметь не могла...» [ГАНИИО, ф. Р-1891, оп. 1, д. 9, л. 22—23].

Инвалидность становилась событием, менявшим судьбу человека, который не мог продолжать прежнюю деятельность, перебивался случайными заработками и фактически содержал себя и семью только на мизерную пенсию. Новосибирский историк В. И. Исаев приводит интересный и подробный пример того, как инвалидность внезапно меняла образ жизни советской женщины. Он анализирует письмо 23-летней Татьяны Притужаловой, ставшей в результате производственной травмы инвалидом, в секретариат Западносибирского крайкома ВКП(б) [Исаев, 2008: 19—21].

Татьяна была дочерью рабочего, члена ВКП(б), окончила Омский институт молочного хозяйства и работала технологом в совхозе. Во время пробного пуска маслозавода пола пальто девушки была захвачена валом, ее затянуло в сепаратор и Татьяна получила травму, после которой ей ампутировали правую ногу выше колена, а левая стопа перестала функционировать. Десять месяцев девушка провела в больнице без движения, но ходить так и не смогла, а «специального электрического лечения... больница... из-за бедности» не обеспечила. Она пишет, что доведена до крайней степени отчаяния, поскольку у нее нет близких, лечение не продвигается и она не знает, от кого получить помощь; все от нее «отвернулись и отказались» — и совхоз, «несмотря на то, что в нем потеряла свое здоровье и стала калекой», и местные организации, которые не хотели «даже и разговаривать по этому вопросу»: «...к кому бы ни обращалась, везде один ответ: “Это нас не касается”».

Татьяна признает, что государство сделало для нее все возможное из того, что ей полагалось по закону: ее «провели через ВТЭК в инвалиды I группы, дали пенсию». Однако далее снова сетует: «...но ведь я от этого не вылечусь» — и делает вполне справедливое замечание: «Выходит, что когда была здорова и способна работать, то была нужна, если же стала калекой беспомощной, то оказалась выброшена за борт жизни... стала калекой, никому не нужной».

Молодая девушка-инвалид хотела всего лишь получить место в клинике для лиц, нуждающихся в долечивании, но оказалось, что институт является «элитарным» заведением и «предназначен только для ответственных работников». Татьяна пытается надавить на партийную совесть: «Дорогие товарищи, ведь я если и не член партии, то тоже пролетарский работник, потерявший свое здоровье на предприятии Советского государства». Кроме того, себя она представляет настоящим «красным инвалидом», который отличается своей сознательной позицией, поясняя, что ей нужно лечение, после которого она «смогла бы ходить на протезе и принести пользу государству». Иначе для комсомолки и быть не могло в условиях, когда в СССР утверждалась идея самоотверженного служения советского человека партии и государству.

Теоретики советского социального обеспечения должного внимания проблемам женщин с инвалидностью и их социальной защиты не уделяли. Лишь в одном из многих изданий, посвященных вопросам выработки «правильной линии» в отношении инвалидов, органам социального обеспечения рекомендовалось исключить из числа инвалидов, подлежащих обязательному трудоустройству, женщин-инвалидов, имеющих детей дошкольного возраста, а также женщин пожилого возраста, а для всех остальных женщин с инвалидностью создать особую артель с целью организации их труда на полный рабочий день или расширить для них возможность надомной работы [Гандина, Вергэ, 1940: 10]. Однако дальше рекомендации дело не пошло.

Тем не менее в 1920—1930-х гг. в Советском государстве сформировались основные направления социальной политики в отношении нетрудоспособного населения. Охарактеризуем особенности предоставления различных видов социальной помощи нетрудоспособным женщинам в сибирском регионе.

Раньше других оформилось пенсионное обеспечение. Для получения пенсии нетрудоспособной женщине надлежало обратиться с заявлением в местный орган социального обеспечения, пройти обязательное медицинское освидетельствование, должно было быть проведено обследование ее материального и семейного положения, которое оказалось настоящим камнем преткновения в вопросах реализации пенсионного обеспечения. Часто женщины оставались без пенсии только потому, что в ходе подобного обследования у них обнаруживалось «слишком крепкое хозяйство», как например у 60-летней У. Пискуновой из Федосовской волости Новониколаевского уезда, которая имела избу и одну молочную корову [ГАНУ, ф. Р-1236, оп. 1, д. 10а, л. 12, 16—17 об.].

С 1927 г. пенсионное обеспечение получает настоящее развитие: расширяется круг обеспечиваемых, в 1928 г. вводятся пенсии по старости в текстильной промышленности, устанавливается самый низкий в мире порог выхода на пенсию по старости для женщин — с 55 лет. Согласно данным переписи 1937 г., к концу второй пятилетки в стране насчитывалось около миллиона пенсионеров из числа нетрудоспособных лиц (1,3 % всего населения СССР), среди которых 57,0 % составляли женщины, из них 65,5 % — рабочие, 25,2 % — служащие [Жиромская и др., 1996: 73—76]. Однако пенсионное обеспечение по старости было не реализовано, в основном выплачивались пенсии по инвалидности.

При этом на местах регулярно проводились кампании по «чистке» пенсионеров. Эти кампании носили классовый характер и были направлены на сокращение

численности пенсионеров и расходов на них из бюджета, а также на то, чтобы подтолкнуть инвалидов и стариков к возвращению к трудовой деятельности в условиях индустриализации и потребности в рабочих руках. «Чистке» подлежали все, кто относился к числу «бывших», лица, получившие инвалидность в рядах белой армии, уволенные из советских государственных органов, в том числе члены их семей [ИАОО, ф. Р-1026, оп. 1, д. 7, л. 31—31 об.]. В качестве примера можно привести случай, произошедший в Омске, где до 1930 г. инвалид I группы М. В. Зуйкова получала пенсию за мужа-инвалида (всего 7 руб.), который был членом Всероссийской организации слепых и покончил с собой из-за беспросветной нищеты. Женщина занималась тем, что гадала, но, по ее словам, только тому, кто к ней приходил, сама она никого не приглашала. Последняя ремарка, очевидно, должна была подчеркнуть, что нетрудовой деятельностью вдова не занималась. Возможно, ей сохранили бы пенсию, если бы не тот факт, что ее супруга во время Гражданской войны призвали в армию генерала Каппеля. Как члена семьи, потерявшего кормильца, служившего в белой армии, выплаты женщине лишили, а также отказали в праве на пенсию по инвалидности [там же, л. 8].

Подспорьем для нетрудоспособных граждан могла бы оказаться дополнительная социальная поддержка, которая предусматривала либо выплату пособия, либо натуральную помощь (например, в приобретении топлива или продовольствия). Но случаев оказания поддержки нетрудоспособным женщинам было крайне мало, и редко все просители получали помощь, хотя к женщинам относились мягче, чем к мужчинам. Например, в 1933 г. в Томск прибыла семья инвалида, в которую входили его пожилая мать, 80-летний дед и 78-летняя бабушка. Все они обратились за пенсией, но только самым старшим членам семьи было назначено «ежемесячное пособие в половинном размере» — 8 руб. 50 коп. на двоих (при средней пенсии 8—10 руб. на человека), а матери инвалида и самому ему было отказано в помощи, так как пожилая женщина с дореволюционных времен официально была воспитателем сына и не имела трудового стажа. В другой ситуации у военнотружущего остались 62-летняя мать, 64-летний отец-инвалид и престарелый дед. В этом случае пособие получила только пожилая женщина как мать красноармейца (12 руб. в месяц), а мужчинам было отказано, поскольку органы врачебной экспертизы признали их трудоспособными [ГАТО, ф. Р-446, оп. 1, д. 70, л. 80 об.].

Следующим направлением социальной политики было обеспечение занятости инвалидов путем их кооперации и возвращения на предприятия и в учреждения. Нетрудоспособные женщины прежде всего находили работу в артелях, в которых половину артельщиков составляли прикрепленные к инвалидам в качестве инструкторов здоровые работники — своеобразный прототип того, что сегодня называется социальной инклюзией. Предприятия могли быть самые разные. Так, в Енисейской губернии женщины-инвалиды трудились на булочно-кондитерском производстве, была создана артель-школа кройки и шитья женского платья и белья, где работали 18 учениц-инвалидов. Они платили 3—5 руб. в месяц за обучение и еще 12 руб. за жилье при швейной мастерской, а зарабатывать при пенсии в 7—10 руб. могли от 25 до 40 руб. [ГАКК, ф. Р-49, оп. 1, д. 445, л. 42 об. — 43].

Инвалидные артели женщин также подвергались регулярным «чисткам», хотя они были менее политически ангажированными, чем «чистки» артелей мужчин; женщин наказывали не за принадлежность к категории «бывшие», а за различные нарушения, при этом применяли экономические формулировки: замечена «в хищении», «протезировании растратчиков», «торговле и обманах», «обсчете крестьян», «пьянстве и бесхозяйственности». Если мужчин после разбирательств редко возвращали на прежнюю работу в артель, то женщинам объявляли «строгий выговор с предупреждением», после чего возвращали обратно с обоснованием, например: «хорошая работница», «женщине некуда (больше. — *А. К.*) устроиться» [ГАРФ, ф. А-259, оп. 116, д. 2350, л. 32; ГАНУ, ф. Р-1085, оп. 1, д. 2, л. 2—4; ГАТО, ф. Р-446, оп. 1, д. 71, л. 34—38; ИАОО, ф. Р-1026, оп. 1, д. 7, л. 8, 22, 31].

Одновременно распространялась практика трудоустройства инвалидов на неквалифицированные рабочие места. Так, в г. Томске за 1932 г. подобные рабочие места получили 41,0 % женщин с инвалидностью. Только одна женщина отказалась от рабочего места, остальные заняли вакансии швеи (20,0 %), ученицы мастера (5,0 %), продавщицы (3,8 %), чернорабочей (2,5 %), портнихи (2,5 %), 7,3 % получили места гардеробщицы, дворника, кондитера, курьера, посудомойки, сторожа. Были среди них и достаточно квалифицированные специалисты, которые не хотели прекращать работать по своей профессии, уникальной для людей с инвалидностью: крановщица, парикмахер, мастер по реставрации обуви, фельдшерица [ГАТО, ф. Р-446, оп. 1, д. 11, л. 1—3].

Самым массовым видом помощи нетрудоспособным лицам было социальное обеспечение в инвалидных домах. По данным переписей 1926 и 1937 гг., в них в среднем находилось 16,1 % нетрудоспособных членов общества. Гендерное соотношение их обитателей составляло 55 против 45 % в пользу женщин [Жиромская и др., 1996: 73; Население России... , 2000: 159]. Для сибирских инвалидных домов 1920—1930-х гг. была характерна крайне высокая плотность проживания в комнатах — 11—12 человек, причем с различными категориями инвалидности. Изначально устроители инвалидных домов предполагали, что инвалиды разных категорий будут жить в разных палатах, на деле все жили вместе, и совместное проживание из-за неодинакового объема прав и привилегий нередко приводило к «антагонизму между проживающими» [ГАИО, ф. Р-558, оп. 1, д. 60, л. 45; ГАКК, ф. Р-241, оп. 1, д. 18, л. 13—13 об.; д. 58, л. 37, 69—70 об., 80—81 об.].

Ежедневные пайки для инвалидов разных категорий различались, а вот нормы вещевого довольствия были одинаковыми. Каждому инвалиду полагался комплект постельного белья (один тюфяк или матрац, наволочки для тюфяков и подушек, простыни, полотенца, одеяло) и комплект нательного белья и одежды: пальто, плащ, рубаха, теплые шаровары, летние рубашки, летние шаровары, пара сапог или ботинок, носовые платки. Для женщин дополнительно предусматривались женские сорочки и панталоны, головные платки [ИАОО, ф. Р-490, оп. 1, д. 11, л. 195; д. 69, л. 3].

Оборотная ведомость бердского дома инвалидов за 1928 г. позволяет оценить одежду и обувь, в которой коротали свои дни нетрудоспособные женщины в инвалидном доме [ГАНУ, ф. Р-2004, оп. 1, д. 3, л. 35—37]. Они были обеспечены

женскими рубашками, платьями и юбками, чулками и ботинками, обязательными атрибутами считались головной платок, какая-нибудь дешевая кофточка, вязаная фуфайка или демисезонное пальто. Из необычной одежды для женщин-инвалидов можно назвать домашние халаты и считавшиеся «верхом инвалидной моды» кожаные туфли.

Качество одежды и обуви оставляло желать лучшего. Нередко инвалиды жаловались, что были приобретены полушубки, которые не греют, или валенки «такие, что (хоть сразу. — *А. К.*) в починку», но качественное обмундирование было инвалидному дому не по карману, и женщинам-инвалидам только и оставалось, что щеголять в купленном заведующим по случаю ядовито-желтом полушубке и дырявых валенках [ГАТО, ф. Р-198, оп. 1, д. 20, л. 17 об.]. Также отмечалось, что нет никакой разницы между мужской и женской одеждой: «Для женщин эта же самая (мужская. — *А. К.*) одежда... обуви нет совсем» [ИАОО, ф. Р-1026, оп. 1, д. 132, л. 44, 60 об.]. Ощущалась нехватка теплой одежды, женские кофты и юбки были в ограниченном количестве, а если учесть, что в инвалидных домах женщин проживало больше, чем мужчин, становится понятно, насколько остро стоял данный вопрос.

Большой проблемой было обеспечение проживающих в зимний период. На инвалидный дом, вмещавший 100 человек, могли приобрести всего 40 пар валенок, 18 зимних шапок, 4 шубы, зато была пара совершенно уникальной зимней обуви для женщин — туфли-валенки. Такие редкие вещи выдавались по очереди или в случае необходимости (если нужно было съездить к врачу), в остальное время инвалиды старались без лишнего повода на улицу не выходить.

Для органов социального обеспечения крайне важной при устройстве жизни в инвалидных домах была организация трудовой деятельности их обитателей, ибо в пролетарском обществе иначе и быть не могло: даже инвалиды должны были трудиться хотя бы в «порядке самообслуживания». Инспекторы Рабрина отмечали в отчетах, что чаще всего женщины помогают повару на кухне и чинят белье, шьют одежду для других инвалидов, хотя порой это белье не доставалось даже самой швее, грамотные дамы могли вести в инвалидном доме культурно-просветительскую работу [ГАТО, ф. Р-198, оп. 1, д. 20, л. 11; ГАРФ, ф. А-406, оп. 12, д. 1671, л. 18 об.].

Подводя итоги, нужно прежде всего отметить, что именно в 1920—1930-х гг. социальные статусы мужчины и женщины впервые сближаются. Эта же тенденция характерна для процессов, происходивших в среде нетрудоспособного населения: советская власть не делила инвалидов на мужчин и женщин, платила им одинаково мизерную пенсию, заставляла трудиться и отдавать последние силы индустриальному развитию страны.

Возможно, с современной точки зрения покажется, что советская социальная политика в отношении нетрудоспособных женщин в целом потерпела неудачу, поскольку никаких специальных мер с учетом гендерных ролей, за исключением установления более низкого порога выхода на пенсию по старости, советская власть не принимала. Однако если исходить из того, что эффективной может считаться та социальная политика, которая предоставляет услуги, удовлетворяющие потребности их получателей, то можно смело утверждать, что нетрудоспособные женщины в 1920—1930-х гг. впервые в истории получали все

формы необходимой социальной помощи, различные виды социального обеспечения и реабилитации, которые на тот момент могли существовать, хотя, безусловно, качество этих услуг было еще недостаточным для полноценной жизни.

С одной стороны, характерной чертой советской социальной политики в отношении нетрудоспособных женщин была система мер, которая приводила к их исключению из жизни общества (невнимательное отношение к социальным проблемам, отсутствие четких критериев для получения пенсий, пособий, помещение в инвалидные дома). Но с другой — советская власть старалась создавать определенные условия для максимальной социальной интеграции тех инвалидов, которые сохраняли работоспособность. Поэтому если женщина с инвалидностью или женщина в возрасте еще могла трудиться, а не сидеть на шее у пролетарского государства, если становилась «красным инвалидом», готовым к новым социалистическим свершениям, то это государство было готово компенсировать ей все лишения. Однако на практике все закончилось тем, что инвалидность будто вовсе стала исчезать, общество и государство перестали ее замечать, и уже в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период оставшаяся без кормильца и помощников, потерявшая свое здоровье на производстве советская женщина продолжала жить с присущим только ей одной энтузиазмом, не замечая своей инвалидности или старости.

Библиографический список

- Быков А. К. Социальная помощь российских общественных организаций женщинам и девушкам с инвалидностью в конце XIX — начале XX в. // Вестник социальной работы. 2014. № 3. С. 105—109.
- Вахромеева О. Б. Социальное страхование и «женский вопрос» в столице на рубеже XIX—XX веков // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 120—132.
- Гандина О. И., Вергэ Г. Г. О неработающих инвалидах III группы // Информационное письмо по вопросам экспертизы трудоспособности и трудоустройства инвалидов / под ред. З. Э. Григорьева, Н. А. Вигдорчика. Л.: Ин-т врач.-труд. экспертизы Ленингр. горсобеса, 1940. С. 10.
- ГАИО (Государственный архив Иркутской области).
- ГАКК (Государственный архив Красноярского края).
- ГАНИИО (Государственный архив новейшей истории Иркутской области).
- ГАНО (Государственный архив Новосибирской области).
- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации).
- ГАТО (Государственный архив Томской области).
- Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
- ИАОО (Исторический архив Омской области).
- Инвалиды с внешне выраженными признаками инвалидности, по данным Всесоюзной переписи 1926 года // Социальное обеспечение. 1932. № 2. С. 10—12.
- Исаев В. И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920—1930-е годы. Новосибирск: Параллель, 2008. 188 с.
- Ковалев А. С. Проблемы идентификации социального статуса пожилых людей и инвалидов в первой трети XX века: опыт историко-социологического анализа:

(на материалах Сибири) // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 85—98.

Ковалев А. С. Реализация социальной политики Советского государства в отношении нетрудоспособного населения Сибири в 1920—1930-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 555 с.

Кошкин Д. С. Государственная политика и практика социальной работы с инвалидами в 20—30-е годы XX века: на материалах РСФСР: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 179 с.

Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматанова Г. Л. Положение женщин-инвалидов в Российской империи в XVII — начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 39—56.

Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. / под ред. В. Б. Жиромской. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 463 с.

Социалистическое строительство СССР: статистический ежегодник. М.: Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР, 1934. XXX, 496, 128 с.

References

- Bykov, A. K. (2014) Sotsial'naia pomoshch' rossiiskikh obshchestvennykh organizatsii zhenshchinam i devushkam s invalidnost'iu v kontse XIX — nachale XX v. [Social aid of Russian non-governmental organizations for women and girls with disabilities in the late XIX — early XX c.], *Vestnik sotsial'noi raboty*, no. 3, pp. 105—109.
- Gandina, O. I., Vergè, G. G. (1940) O nerabotaiushchikh invalidakh III gruppy [About the non-working invalids of group III], in: Grigor'ev, Z. È., Vigdorichik, N. A. (eds), *Informatsionnoe pis'mo po voprosam ekspertizy trudosposobnosti i trudoustroistva invalidov*, Leningrad: Institut vrachebno-trudovoi ekspertizy Leningradskogo gorsobesa, p. 10.
- Invalidy s vneshne vyrazhennymi priznakami invalidnosti, po dannym Vsesoiuznoi perepisi 1926 goda (1932) [Disabled persons with outward signs of disability according to the 1926 All-Union Census], *Sotsial'noe obespechenie*, no. 2, pp. 10—12.
- Isaev, V. I. (2008) *Neobychnye sud'by obychnykh liudei: sovetskaia povsednevnost' v 1920—1930-e gody* [Unusual fate of ordinary people: soviet everyday life in the 1920—1930s], Novosibirsk: Parallel'.
- Koshkin, D. S. (2001) *Gosudarstvennaia politika i praktika sotsial'noi raboty s invalidami v 20—30-e gody XX veka: Na materialakh RSFSR*: Dis. ... kand. ist. nauk [The state policy and practice of social work for disabled people in the 20—30s of XX century: On materials of the RSFSR: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Kovalev, A. S. (2013) Problemy identifikatsii sotsial'nogo statusa pozhilykh liudei i invalidov v pervoi treti XX veka: opyt istoriko-sotsiologicheskogo analiza: (Na materialakh Sibiri) [The problem of identifying the social status of the elderly and the disabled in the first third of the XX century: experience of historical and sociological analysis: (On materials of Siberia)], *Istoricheskaiia psikhologiiia i sotsiologiiia istorii*, no. 1, pp. 85—98.
- Kovalev, A. S. (2016) *Realizatsiia sotsial'noi politiki Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii netrudosposobnogo naseleniia Sibiri v 1920—1930-kh gg.*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Realization of soviet social policy for the disabled people in Siberia in the 1920—1930s: Diss. (Dr. Sc.)], Barnaul.
- Marasanova, V. M., Albegova, I. F., Shamatanova, G. L. (2010) Polozhenie zhenshchin-invalidov v Rossiiskoi imperii v XVII — nachale XX v. [The position of women with

- disabilities in the Russian Empire in the XVII — early XX c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 39—56.
- Sotsialisticheskoe stroitel'stvo SSSR: Statisticheskii ezhegodnik* (1934) [The socialist construction of the USSR: Statistical yearbook], Moscow: Tsentral'noe upravlenie narodno-khoziaistvennogo ucheta Gosplana SSSR.
- Vakhromeeva, O. B. (2012) Sotsial'noe strakhovanie i "zhenskii vopros" v stolitse na rubezhe XIX—XX vekov [Social security and the "woman question" in the capital at the turn of XIX—XX centuries], *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 9, pp. 120—132.
- Zhiromskaia, V. B. (ed.) (2000) *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki*: in 3 vols [The population of Russia in XX century: Historical essays], vol. 1, Moscow: ROSSPĖN.
- Zhiromskaia, V. B., Kiselev, I. N., Poliakov, Iu. A. (1996) *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 goda* [Half-century under the heading "secret": All-Union population census of 1937], Moscow: Nauka.

Статья поступила 24.01.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Ковалев Александр Сергеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Сибирский федеральный университет; доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной педагогики, Красноярский государственный педагогический университет, г. Красноярск, Россия, alexkovaleff@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Russian History, Siberian Federal University; Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Social Work and Social Pedagogy, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation).